

ЛЕРА ВЕГА

ПОПАДАНКА
и 7 ГНОМОВ

18+

Лера Вега

Попаданка и семь гномов

«Автор»

2026

Вега Л.

Попаданка и семь гномов / Л. Вега — «Автор», 2026

Мне тридцать четыре. Я только что развелась, нарядилась Белоснежкой на Хэллоуин и провалилась в старинное зеркало. Теперь я в мире, где «гномы» — это семь огромных, полуголых воинов с рунами на коже и таким голодом в глазах, что у меня подкашиваются колени. Они не маленькие, не смешные и не ждут принца. Они ждут меня. Потому что снять их проклятие можно только одним способом. Я попала в сказку. Только она оказалась совсем не детской.

© Вега Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Зеркало	5
Глава 1. Лес и тени	7
Глава 2. Не гномы	9
Глава 3. Испытание	12
Глава 4. Зигфрид	18
Глава 5. Утро	21
Глава 6. Дети горы	23
Глава 7. Вода и камень	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лера Вега

Попаданка и семь гномов

Пролог. Зеркало

Фраза мужа до сих пор звенит в ушах: «Кому ты нужна в тридцать четыре, Кира? С ипотекой и целлюлитом? Одумайся».

Я не одумалась. Я подала на развод. А через три дня стою в чужой ванной, и Катя, моя единственная подруга, которая не верит в слово «поздно», красит меня под Белоснежку.

– Я должна была нарядиться ведьмой, – говорю я, пока она замазывает мне синяки под глазами тональником на два тона светлее моей кожи. – У меня и гардероб соответствующий. И жизненный опыт.

– Ведьмой ты была последние шесть лет, – отрезает Катя. – С этим мужиком. Хватит. Сегодня ты принцесса.

Она разворачивает меня к зеркалу.

Из отражения смотрит незнакомка. Фарфоровое лицо, алые губы, тёмные волосы уложены волнами – Катя колдовала над ними полчаса, хотя моя шевелюра обычно живёт своей жизнью. Сине-жёлтое платье сидит как влитое, подчёркивает талию, которой у меня, оказывается, до сих пор нет повода стесняться. Красная лента в волосах.

Я разглядываю женщину в зеркале и не сразу узнаю себя. Та, прежняя Кира, исчезла где-то между офисом, ипотекой и вечно недовольным мужчиной на диване.

– Белоснежка в тридцать четыре, – произношу я шёпотом. – Смешно.

– Смешно будет, когда ты оторвёшься впервые за десятилетие, – заявляет Катя и вручает мне бокал с чем-то ярко-оранжевым. – Пей. Это «отвернись от прошлого». Мой фирменный. Коктейль пахнет цитрусом и отдаёт чем-то горьковатым. Я выпиваю залпом.

Вечеринка проходит в старинном особняке за городом. Клуб арендовал его на ночь – Хэллоуин, тематическая тусовка «Сказки наизнанку». Залы набиты Красными Шапочками в коже, Волками в смокингах, Русалочками с блёстками на скулах. Гремит музыка, пахнет воском тыквенных свечей и чужими духами. Я двигаюсь в толпе как сквозь туман – отвыкла. Шесть лет единственной вечеринкой в моей жизни был новогодний корпоратив, с которого муж требовал вернуться пораньше, потому что ему «одиного».

К полуночи Катя снова меня находит. Глаза горят, Красная Шапочка съехала набок.

– Там в саду – зеркало! Старинное, в полный рост. Говорят, проклятое. Прикинь, какая фактура?

Она тащит меня сквозь танцпол, мимо барной стойки, через стеклянные двери в сад. Октябрьский воздух обжигает голые плечи. Я ёжусь, но Катя уже не остановится.

Зеркало стоит в глубине сада, под старым дубом. Тяжёлая бронзовая рама, покрытая патиной и неизвестными мне символами – не то рунами, не то просто царапинами. Стекло мутное, с желтоватым отливом. В темноте оно кажется дверью в никуда.

– Свет мой зеркальце, скажи, – дурашливо произносит Катя, картинно взмахнув рукой, – да всю правду доложи...

Она замолкает, глядя куда-то за моё плечо.

– Блин, там бармен симпатичный освободился. Я сейчас. Никуда не уходи!

И исчезает.

Я остаюсь одна.

Ветер шевелит ветви дуба. Музыка из особняка доносится приглушённо, как сквозь воду. Я делаю шаг к зеркалу и смотрю в его мутную глубину.

Моё отражение расплывается.

Нет, не расплывается – меняется. За моей спиной больше нет осеннего сада и огней особняка. Там чёрный лес. Голые стволы деревьев, переплетённые, как рёбра какого-то мёртвого зверя. Туман стелется по земле. И в этом тумане – два горящих глаза. Чьи-то. Не человеческие.

Я хочу отшатнуться, но ноги не слушаются. Рука сама тянется к стеклу.

Пальцы касаются поверхности – и проходят сквозь.

Холод обжигает запястье. Стекло идёт рябью, как вода, в которую бросили камень. Меня затягивает – без рывка, плавно, неумолимо. Я пытаюсь закричать, но воздух становится густым, вязким.

Последнее, что я слышу – далёкий женский смех. Низкий, гортанный, довольный.

– Иди ко мне, Белоснежка...

Темнота.

Глава 1. Лес и тени

Я просыпаюсь с тем же ощущением, которое возникает, когда засыпаешь в самолёте, а просыпаешься в другой стране. Дезориентация. Чужой воздух. Сердце колотится в горле.

Я не там, где должна быть.

Холод проникает сквозь тонкую ткань платья Белоснежки — моего хэллоуинского костюма, который теперь выглядит так, будто меня протащили сквозь кусты. Что, возможно, недалеко от истины. Подол порван, на колене ссадина, правая туфля исчезла. Я лежу на мокром мху.

Голова гудит. Во рту вкус ржавчины.

Я сажусь — слишком резко, перед глазами плывёт — и оглядываюсь.

Лес.

Не парковая зона за особняком. Настоящий лес. Стволы деревьев в три обхвата уходят вверх, в серое небо, которое я едва различаю сквозь кроны. Ветви переплетаются так плотно, что создают сумрак внизу, хотя, судя по свету, где-то там день.

Я провожу ладонью по мху — настоящий. Щиплю кожу на запястье — больно.

— Отлично, Кира, — говорю я вслух. Голос звучит хрипло, неестественно в этой тишине. — Просто отлично. Ни телефона, ни обуви, ни понимания, где ты находишься.

Я ощупываю карманы — их нет, платье без карманов, Катя выбрала аутентичный костюм, чтоб её. Ни документов, ни денег, ничего.

Лес отвечает мне тишиной. Ни птиц, ни шороха листвы, ни гула машин где-то вдалеке. Только моё дыхание и стук сердца.

Я встаю — ноги держат, спасибо корпоративному фитнесу, хоть какая-то польза от попыток сбросить стресс после развода — и пытаюсь сориентироваться. Особняк. Там был особняк, сад, зеркало. Я коснулась зеркала, и...

И что?

Розыгрыш? Какая-то дрянь в коктейле?

Нет. Что-то другое. Что-то, чему моя рациональная часть мозга отказывается верить.

Я отбрасываю эту мысль. Позже. Сначала — выжить.

В лесу холодно. Платье не греет, а октябрьский воздух пробирает до костей. Я растираю плечи ладонями и замечаю кровь на правой руке. Не ссадина — порез, тонкий и длинный, от запястья до середины ладони. Я не помню, когда поранилась. Может, когда падала.

Запах гари.

Слабый, но различимый, тянется откуда-то слева. К нему примешивается металл, как из кузни. Этот запах чужой в диком лесу. Там кто-то есть.

Я делаю шаг. Другой. Босая ступня натывается на острый камень, и я шиплю от боли, но продолжаю идти. Вариантов нет. Либо идти на запах, либо остаться здесь и замёрзнуть.

Лес меняется. Деревья становятся реже, под ногами появляется что-то вроде тропы — слишком ровной для звериной. Я ускоряю шаг, насколько позволяет босая нога.

Вой.

Он доносится откуда-то из глубины леса, позади меня. Низкий, утробный, он не похож на волчий. В нём слишком много... странного. Словно тварь, издавшая его, знает, что я здесь, и хочет, чтобы я знала, что она идёт за мной.

Я бегу.

Платье цепляется за кусты, босая ступня скользит по влажной земле. Второй вой — ближе. Между деревьями мелькает что-то тёмное, слишком большое для обычного зверя, слишком быстрое. У меня нет времени оглядываться и рассматривать.

Тропа выводит меня на поляну.

В скале, вросший прямо в гранит, стоит дом.

Не избушка. Каменная крепость в два этажа, с узкими окнами-бойницами и массивной дверью из тёмного дерева, окованной металлическими полосами. Над дверью — символ, похожий на руну, высеченный прямо в скале. Из трубы, спрятанной в камне, поднимается тонкая струйка дыма. Запах гари и металла идёт отсюда.

Вой раздаётся совсем близко, на границе поляны.

Я бросаюсь к двери, хватаюсь за ручку. Она в форме когтистой лапы, холодная, тяжёлая — и тяну. Заперто.

— Давай! — рычу я, дёргая снова. — Открывайся!

За спиной трещат кусты. Я чувствую чужое присутствие кожей — так чувствуешь грозу за секунду до удара молнии.

Я налёгаю плечом на дверь, порезанная ладонь прижимается к металлической пластине замка.

Раздаётся низкий гул. Символ над дверью вспыхивает на секунду. Дверь распахивается, и я вваливаюсь внутрь, падая на каменный пол.

Последнее, что я вижу перед тем, как темнота накрывает меня — просторный зал, очаг с догорающим огнём, оружие на стенах. И движение в глубине. Тени, огромные, мужские, движутся ко мне.

Кто-то произносит низким, вибрирующим голосом:

— Кто это?

И ещё один голос, резкий, как удар стали:

— Откуда здесь женщина?

Я пытаюсь ответить, но губы не слушаются. Сознание гаснет, оставляя меня в темноте.

Глава 2. Не гномы

Прихожу в себя на чём-то жёстком, но тёплом. Пахнет шерстью, дымом и мужчиной. Нет, мужчинами — во множественном числе. Этот запах ни с чем не спутаешь: мускус, металл, кожа, что-то едва уловимо звериное.

Открываю глаза.

Надо мной — лица. Семь лиц. И все мужские.

Я моргаю, пытаюсь сфокусироваться, отогнать остатки дурноты. В голове вата, но хуже всего то, что первая мысль, которая приходит в мой простуженный, дезориентированный мозг, абсолютно безумна.

Гномы. Это гномы. Семь гномов. Белоснежка... бред.

Я хихикаю. Звук выходит сиплым, сдавленным, почти истерическим. В горле першит. Язык — наждачная бумага.

— Гномы, — сиплю я, не в силах остановить этот поток безумия. — А где колпачки, парни? Вы вообще по дресс-коду не проходите.

Они переглядываются. Не понимают. И они совсем не похожи на гномов.

Тот, что ближе всех — он сидит на корточках у самого края лежанки — возвышается надо мной даже в этой позе. Широкие плечи обтянуты чёрной тканью, под которой перекачиваются мышцы. Тёмно-каштановые волосы собраны в низкий хвост, челюсть — как гранитный уступ, нос с горбинкой, сломанный когда-то и сросшийся криво. На скуле — старый шрам, тонкий, белый. Глаза цвета тёмного янтаря смотрят на меня в упор, без враждебности, но и без тепла. Оценивающе.

За его спиной стоят остальные.

Огромные. Все как на подбор выше ста восьмидесяти, плечистые, с руками, которым место на стройке или в бойцовском клубе. Волосы у всех тёмные, разной длины — у кого-то собраны, у кого-то распущены, у одного коротко стрижены по бокам. На открытых участках кожи я замечаю чёрные линии — татуировки. Нет, не татуировки. Руны. Они повторяются, симметричные, выются по предплечьям, уходят под ворота рубах, исчезают за поясами.

Их слишком много. Они заполняют комнату — не только телами, но и энергией, той самой «тёмной мужской силой», от которой у меня мгновенно пересыхает во рту. Воздух потрескивает от напряжения.

— Ты кто? — спрашивает тот, что с янтарными глазами. Голос низкий, с вибрацией, отдающейся у меня в груди.

— Я Кира, — отвечаю и обвожу взглядом остальных. — А вы, я так понимаю, не труппа бродячих артистов?

Они снова переглядываются.

Я делаю попытку сесть — тело протестует, рёбра ноют, босая ступня пульсирует болью, — но мне удаётся принять вертикальное положение. Лежанка, на которой я очнулась, оказывается грубой деревянной кроватью, застеленной шкурами. Шкуры настоящие, с мехом. Я провожу ладонью по одной — мех жёсткий, но удивительно тёплый.

Помещение — большой зал с каменными стенами. Очаг в центре, в нём догорают угли. На стенах — оружие: топоры, мечи, клинки, названия которым я не знаю. Узкие окна пропускают серый свет. Потолок теряется в тенях, но видно, что он вырублен прямо в скале.

— Человеческая женщина, — произносит другой голос, резкий, как скрежет металла. — В лесу. Одна.

Говорящий выходит вперёд. Волосы угольно-чёрные, коротко стрижены по бокам, сверху падают на глаза. Глаза — серебристые, с каким-то неестественным блеском, как расплавлен-

ный металл. Левая рука покрыта рунами до плеча. Он смотрит на меня с неприкрытой враждебностью. Челюсть сжата. Ноздри раздуваются, будто принохивается.

— Лазутчица, — бросает он.

— Бракс, — спокойно произносит янтарноглазый, не оборачиваясь. В этом «Бракс» — предупреждение, приказ заткнуться и не рыпаться.

Тот, кого называли Браксом, не затыкается.

— Ты сам видишь, Райгар. Она появляется из ниоткуда, в крови, в лесу, где не было ни одной человеческой души уже полгода. И от неё пахнет магией.

Я поднимаю бровь:

— От меня пахнет потом и страхом, приятель. Магией даже не пробовала душиться. Не мой бренд.

Они не понимают слов, но Бракс улавливает тон — саркастический, не испуганный — и его глаза сужаются.

Третий мужчина шагает ближе. Он чуть стройнее остальных, но это не делает его менее опасным — мышцы длинные, как у пловца, пальцы с тонкими костяшками. Пепельно-серые волосы собраны в высокий узел. Взгляд холодный, стальной, с прищуром учёного.

Он останавливается передо мной, наклоняется.

— Говори, — приказывает он.

В его тоне — нетерпение хирурга перед операцией. Я вспоминаю, как меня допрашивали в налоговой три года назад, когда я перепутала декларации. Там тоже был такой тип — вежливый, холодный, жутко компетентный.

— Меня зовут Кира. Я не знаю, как сюда попала. Я была на вечеринке, Хэллоуин, костюм, зеркало... Вы вообще что-нибудь понимаете?

Линза в его глазу вспыхивает бледно-голубым. Он несколько секунд молчит, потом кивает:

— Ты странно говоришь. Дialeкт, который не использовался здесь тысячу лет. Откуда ты?

Я таращусь на него:

— Это я спрашиваю: откуда вы? Где я?

— Зигфрид, — перебивает Бракс, — это ловушка. Она притворяется. Убей её, пока она не привела остальных.

— Тихо, — обрывает Райгар. Видимо, он здесь главный. Это чувствуется по тому, как замирают остальные, даже Бракс замолкает, хоть и продолжает сверлить меня серебристым взглядом.

Райгар поворачивается ко мне. Смотрит долго. Я выдерживаю его взгляд — привычка, выработанная за годы брака с мужчиной, который считал, что женщина должна опускать глаза. Я не опускаю.

— Как ты попала в дом? — спрашивает он. — Дверь была заперта. Замок зачарован. Открыть может только кровь.

— Я порезалась. — Показываю ладонь. Порез всё ещё кровоточит, тонкая алая полоса. — О ручку. Или о замок. Я не помню, всё было слишком быстро. За мной гналась какая-то тварь.

— Тварь? — оживает ещё один мужчина, стоящий в тени у окна. Я не сразу замечаю его, хотя он огромен — просто удивительно неподвижен. Волосы с проседью, короткая борода, квадратная челюсть. Он говорит медленно, с весом: — Опиши её.

— Я не разглядела. Тени. Глаза. Вой. Оно выло, как... не знаю.

Мужчины переглядываются. Атмосфера в комнате сгущается, я чувствую это кожей — они знают, о чём я говорю, и это им не нравится.

— Морок, — коротко бросает тот, что у окна. — Морвейн знает, что она здесь.

— Или сама Морвейн её и послала, — рычит Бракс. — Я говорю — убить. Быстро. Без боли. Делай, Райгар.

Седьмой мужчина, до сих пор стоявший в самом тёмном углу зала, где свет очага не достаёт до его лица, шевелится. Движение почти неуловимое, как у кошки. Он моложе остальных — или просто выглядит моложе, что-то в линии подбородка, в том, как он держится, отдельно от всех. Чёрные гладкие волосы падают на плечи. На левой стороне лица — руны, тонкие, как кружево. Глаза — я успеваю заметить, когда он на секунду выходит из тени — фиолетовые. Фиолетовые, чёрт!

Он молчит. Просто смотрит. И от его взгляда у меня по спине бегут мурашки.

Райгар поворачивается к Зигфриду:

— Осмотри её рану. Проверь.

Зигфрид берёт мою ладонь без спроса — пальцы у него холодные, хватка точная, профессиональная. Он разглядывает порез, поворачивает мою руку к свету очага.

И замирает.

— Что там? — спрашивает Райгар.

Зигфрид поднимает на него взгляд.

— Вокруг раны — свечение. Руны. Она активировала замок кровью и даже не заметила. Кровь говорит с камнем. — Он делает паузу. — Либо она шпионка Морвейн с очень хорошей маскировкой, либо...

Он замолкает.

— Либо — что? — рявкает Бракс.

Райгар смотрит на меня. Его янтарные глаза мрачнеют, становятся почти чёрными в полумраке.

— Либо Избранная, — заканчивает Зигфрид.

Тишина. Семеро мужчин смотрят на меня так, будто я только что вышла из гроба.

— Нет, — рычит Бракс. — Невозможно. Пророчеству триста лет. Почему сейчас?

— Ведите в Грот Камня, — приказывает Райгар, не сводя с меня глаз. — Там узнаем точно.

— Если она Избранная, — медленно произносит тот, что у окна, с сединой в волосах, — то всё изменится.

— Если нет, — обрывает Бракс, — я сам сверну ей шею.

Я сглатываю. Горло пересохло. В голове проносится обрывок фразы: «Кому ты нужна в тридцать четыре, Кира?»

Кажется, нашёлся тот, кому нужна. Целых семь. Правда, один из них хочет меня убить, другой — препарировать, а третий смотрит так, будто уже видит мой труп.

Глава 3. Испытание

Меня никто не спрашивает, хочу ли я куда-то идти.

Райгар разворачивается и шагает в глубь зала, туда, где каменная стена уходит во тьму. Остальные перестраиваются вокруг меня, как конвой. Я всё ещё сижу на шкурах, босая, в рваном платье Белоснежки, с кровоточащей ладонью, и пытаюсь осознать происходящее.

Ещё час назад я стояла в саду особняка и смотрела в мутное зеркало. Ещё час назад моей главной проблемой был развод и ипотека.

— Я никуда не пойду, — говорю я. Голос звучит ровнее, чем я ожидала. — Пока мне не объяснят, что здесь происходит.

Бракс издаёт короткий смешок — не весёлый, а какой-то лязгающий.

— Пойдёшь, — говорит он. — Сама или с помощью. Выбери.

Я смотрю на него. На его серебристые глаза, на руны, выющиеся по левой руке до плеча, на челюсть, сжатую так, что желваки проступают под смуглой кожей. Он не шутит. Никто из них не шутит.

Я встаю.

Ноги держат плохо. Босая ступня саднит от порезов, но я заставляю себя выпрямиться. Привычка из прошлой жизни: когда страшно — расправляешь плечи. Муж ненавидел это. Говорил, что я становлюсь похожа на солдафона.

Райгар подходит к тёмному углу. За грудой какого-то хлама — бочки, свёрнутые шкуры, — дверь. Тяжёлая, деревянная. Она со скрежетом отворяется внутрь, и я чувствую запах — сырой камень, подполье, что-то затхлое, как в старом погребе.

— Вниз, — командует Райгар.

Я не двигаюсь, потому что ноги перестали слушаться.

Мысль о том, чтобы спуститься в подвал с семьёй незнакомыми мужчинами — полуголыми, покрытыми рунами, с мышцами, которые перекачиваются под кожей при каждом движении, — эта мысль не укладывается в голове. Час назад я была на вечеринке. Час назад моим самым рискованным решением был четвёртый коктейль.

— Она боится, — произносит кто-то. Голос мягкий, с ленцой. Тот самый, медово-рыжий. Харальд. — Ты посмотри на неё. Дрожит.

— Пусть боится, — обрубает Бракс.

Они говорят обо мне так, будто я — экспонат. Я перевожу взгляд с одного лица на другое и не нахожу ни сочувствия, ни понимания — только оценивающие взгляды. Мужские. Голодные.

И тут до меня доходит.

Семь мужиков, огромных, взрослых, в лесу одни. И смотрят они на меня как-то странно, не только со злобой. Взгляды сальные, полные подтекста. Разорванное платье сразу кажется недостаточной преградой для внимательных глаз. Да и чего уж скрывать: есть в этом хэллоуинском наряде нечто, явно намекающее на секс-шоп. Не столь откровенно, но всё же.

А если?..

Вот что я сделаю? Да ничего. Я и с одним-то не справлюсь. И бежать некуда.

Я обвожу их взглядом — все семеро смотрят на меня. Даже тот, фиолетовоглазый, что прятался в тених. Теперь он стоит чуть ближе, и его взгляд — тяжёлый, неподвижный — заставляет меня вспомнить, как смотрел мой первый парень перед тем, как впервые поцеловать. Только сейчас страшнее, потому что их семеро, и каждый — воплощение мужской силы, от которой у меня пересыхает в горле.

Я опускаю глаза. Зря. Взгляд упирается в обнажённую грудь Бракса — в руны, что выются по рёбрам и исчезают под поясом штанов. Его кожа блестит в свете очага. Он стоит, дышит ровно, и мышцы живота напрягаются при каждом вдохе.

Отвожу взгляд — натыкаюсь на Зигфрида. Тот закатал рукава до локтей, обнажив предплечья — жилистые, с длинными пальцами. Он перехватывает мой взгляд и улыбается уголком губ — не тепло, а скорее с холодным любопытством.

— Что, нравится? — тихо спрашивает он.

Я вспыхиваю. От стыда, от злости, от того, что он прав — я смотрела, и он заметил.

— Я просто пытаюсь понять, куда меня тащат.

— Вниз, — повторяет Райгар.

— А если я не хочу?

Он разворачивается ко мне всем корпусом. И вдруг оказывается слишком близко — я не заметила, когда он успел шагнуть. Его руны, чёрные на смуглой коже, едва заметно светятся. От него пахнет дымом, гарью и чем-то ещё — звериным, мускусным, отчего колени слабеют.

— Хочешь, — говорит он. Не спрашивает. Констатирует. — Я вижу, как ты смотришь.

Я открываю рот — возразить, оттолкнуть, сказать что-то колкое, — но слова застревают в горле. Потому что я действительно смотрю. На его шею, где бьётся жилка. На ключицы, выступающие над воротом рубахи. На шрам, который тянется от скулы к челюсти.

Он не красив. Никто из них не красив в привычном, человеческом смысле. Они — другие. Как дикие звери. Как лесной пожар. На них смотришь не чтобы любоваться, а чтобы понять, насколько близко можно подойти, прежде чем сгореть.

— Идём, — говорит Райгар и первым шагает в темноту подвала.

Я иду. Не потому что хочу. Потому что остаться наверху одной — ещё страшнее. Потому что Бракс снова встаёт у меня за спиной, и его дыхание греет мне затылок. Потому что Харальд, проходя мимо, наклоняется и шепчет:

— Там, внизу, теплее.

И подмигивает.

Мы спускаемся в подвал — обычный, с земляным полом и полками вдоль стен, заставленными какими-то мешками и бутылками. Пахнет плесенью и сушёными травами. Потом — ещё одна дверь, каменная арка, и за ней начинается спуск.

Переходы узкие, грубо вырубленные в скале. Я касаюсь стены плечом — камень влажный и ледяной. Платье Белоснежки липнет к телу. Я замёрзла и одновременно горю — от стыда, от близости этих мужчин, от того, что моё тело реагирует на них помимо моей воли. Соски твердеют под тонкой тканью, и я молюсь, чтобы никто не заметил.

Они идут вокруг меня — впереди, сзади, с боков. Семь теней. Семь источников жара в ледяном коридоре. Их шаги звучат глухо, как удары сердца. И я чувствую их взгляды на своих голых плечах, на том месте, где платье порвалось и обнажило бедро.

— Она пахнет страхом, — произносит кто-то сзади. Кажется, Бракс.

— И женщиной, — добавляет другой голос, моложе. Тот, с фиолетовыми глазами? Нет, он молчит. Харальд?

— Хватит, — обрывает Райгар.

Но они не перестают глазеть. Я знаю это, даже не оборачиваясь, чувствую кожей.

И мне страшно. Дико, первобытно страшно — как не было, когда за мной гналась тварь. Тогда я просто бежала. Сейчас я иду добровольно в темноту в окружении семерых хищников, и каждый из них смотрит на меня так, будто я — первая женщина за многие годы.

Возможно, так и есть.

Я сглатываю. В горле песок, сердце колотится как бешенное. Я пытаюсь думать о чём-то рациональном — о том, что они не причинили мне вреда, что они подчиняются Райгару, что я нужна им живой, бог знает зачем, — но тело не слушается разума. Тело помнит: мужчина,

темнота, неизвестность. Тело помнит, как муж хватал меня за запястье в ночных ссорах, и хотя здесь всё иначе, инстинкт один и тот же.

Бежать. Или замереть.

Я заставляю себя идти.

Мы спускаемся глубже. Воздух меняется — становится плотнее, тяжелее. Свет впереди разгорается — не факелы, а что-то живое, пульсирующее, как сердце. Я смотрю вперёд и вижу своды пещеры, и в центре неё — камень.

Огромный. Чёрный. Пульсирующий изнутри золотым светом.

Он не похож на алтарь. Никаких ступеней, никакой резьбы. Просто глыба чёрного, почти идеально гладкого минерала, высотой мне по грудь. Он стоит вертикально, как монолит, и внутри него, глубоко под поверхностью, медленно пульсирует свет. Ритмично. Как сердцебиение.

Я останавливаюсь. От изумления ноги просто перестают слушаться.

— Что это? — Мой голос звучит глухо, пещера съедает звук.

— Камень Прародителей, — произносит седой мужчина, тот, что говорил о мороке. Голос у него низкий, обволакивающий. — Сердце горы. Он был здесь до нас. До людей. До всего.

Я смотрю на камень. Он пульсирует. И я чувствую эту пульсацию кожей, как низкую басовую ноту на концерте, которую не слышишь ушами, а ощущаешь где-то в груди.

— Коснись его, — говорит Райгар.

— Зачем?

— Если ты Избранная, камень ответит. Если нет — останешься жива и уйдёшь.

Это «останешься жива» звучит как-то очень зловеще. Я перевожу взгляд на Бракса — он смотрит на меня с холодным ожиданием. На Зигфрида — тот наблюдает как учёный за лабораторной мышью. На Райгара — его лицо нечитаемо.

Ну нет. Этот сюр затянулся. Таких реалистичных галлюцинаций просто не бывает.

Я медлю, мужчины смотрят на меня в упор.

— А если откажусь?

— Тогда будем ждать, — говорит Райгар. — Камень всё равно узнает. Рано или поздно.

Я не спрашиваю, что значит «узнает». Не хочу разбираться.

Делаю шаг.

Каменный пол под ногами гладкий, истёртый. Я приближаюсь к монолиту, и пульсация внутри него становится чаще, словно сердце ускоряет ритм.

Ничего не понимаю. Ни кто эти мужчины, ни что это за место, ни почему и как я оказалась здесь. Единственное, что знаю точно: они верят в то, что говорят. И это пугает сильнее всего.

— Просто коснись, — повторяет Райгар. — Ничего не бойся.

Я протягиваю руку.

Ладонь дрожит. Порезанная, с засохшей кровью, она выглядит чужой в этом мертвенном свете. Я на секунду замираю, глядя на чёрную поверхность, и где-то в глубине камня вижу своё отражение — искажённое, размытое, с распушенными волосами и диким ошалелым взглядом. Белоснежка, мать твою.

— Давай, — рычит Бракс. — Чего ты ждёшь?

И вот тут во мне что-то ломается.

Не страх. Не отчаяние. Злость. Чистая, горячая злость на них — на этих огромных, уверенных в себе мужчин, которые тащат меня по подземельям, отдают приказы, угрожают. На мужа, который шесть лет твердил, что я никчёмная. На жизнь, которая довела меня до точки, где единственным приключением за десятилетие стал развод.

Я касаюсь камня.

И мир взрывается.

Пламя вырывается из монолита — ослепительное, белое с золотыми прожилками. Оно не обжигает меня, но я чувствую его мощь и ярость. Оно охватывает камень, взлетает под своды пещеры, освещая каждый угол. Я вижу потрясённые лица, благоговейные и испуганные. Вижу свою ладонь, всё ещё прижатую к камню, и вокруг неё выются золотые нити, как змейки света.

Пламя опадает. Пульсация замедляется, входит в ровный ритм.

Я отдёргиваю руку. Отступаю на шаг.

В пещере тишина. Слышно только, как капает вода где-то в дальнем углу.

— Избранная, — произносит Райгар. В его голосе нет торжества. Что-то другое. Тяжесть. — Камень признал её.

Я смотрю на свою ладонь. Порез всё ещё там, кровь всё ещё запеклась, но теперь по краям раны мерцает золотистый свет. Медленно гаснет, впитывается в кожу.

— И что это значит? — спрашиваю я. В горле пересохло, голос сиплый. — Что со мной будет?

Райгар наконец смотрит на меня, не оценивающе, а прямо. В его янтарных глазах что-то меняется.

— Пока — ничего. Останешься здесь. Под защитой клана.

— Я не хочу оставаться! Я хочу домой. Я хочу понять, что происходит. Что это за место? Почему я здесь? Как мне вернуться?

Он молчит.

— Райгар!

Он разворачивается и идёт к выходу из пещеры.

— Завтра, — бросает через плечо. — Завтра я отвечу на твои вопросы. Сегодня тебе нужно отдохнуть.

— Я не устала! Я хочу ответов сейчас!

Но он уже уходит. За ним — седой, тот, что говорил о мороке. Он задерживает на мне взгляд — не сочувственный, нет, скорее, оценивающий. Так смотрят на незнакомое оружие: пригодится или пора выбросить? Потом — фиолетовоглазый. Он скользит мимо, даже не повернув головы, но я чувствую его присутствие кожей — как холодок от открытой двери. За ним — Зигфрид. Он останавливается на секунду, берёт мою ладонь, ту, что касалась камня, и подносит ближе к свету. Разглядывает золотистое свечение, затухающее в линиях пореза.

— Интересно, — бормочет он. И уходит, качая головой.

Я остаюсь в пещере. Со мной — Харальд и тот, с пепельными волосами, имени которого я не знаю. Его светлые пряди собраны в небрежный узел, из которого выбились пряди. Он смотрит на меня иначе, чем остальные. Не как на угрозу. Не как на экспонат. Как на задачу, которую нужно решить.

— Идём, женщина, — говорит он. Голос у него низкий, с хрипотцой. — Выберем тебе нору.

Мы поднимаемся обратно. Коридоры, ступени, снова коридоры. Руны на стенах гаснут за нашими спинами, и тьма наступает на пятки. Я иду и чувствую, как адреналин понемногу отпускает, оставляя после себя дрожь в коленях и пустоту в животе. Я Избранная. Какая-то нелепая, невероятная Избранная в рваном платье Белоснежки и с одной туфлей.

Когда мы выходим в зал с очагом, там уже все. Спорят.

Голоса разносятся по каменному мешку, отскакивают от стен, мешаются с треском догорающих углей. Я не сразу понимаю, о чём речь, — слова накладываются друг на друга, как радиопомехи.

— ...в моей комнате есть засов, — говорит Зигфрид, и в его тоне сквозит плохо скрытое раздражение. — Это логично.

— Логично? — Бракс хмыкает. — Ты будешь резать её всю ночь. Во имя науки.

— Хотя бы во имя науки. Не во имя похоти.

Бракс шагает к нему — одно движение, плавное, как у хищника, — и между ними вклинивается Харальд.

— Так. — Он поднимает ладони, и его лисья улыбка могла бы разрядить что угодно, но не сейчас. — Она гостья, а не кость, которую нужно делить.

— Вот именно — гостья, — рычит Бракс. — Гостья, которая активировала камень. Ты хоть понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — тихо говорит седой. — Именно поэтому её нужно защитить. В том числе от нас самих.

Повисает тишина.

Я стою у входа, всё ещё босая, всё ещё в рваном платье, и чувствую, как воздух в комнате сгущается. Они говорят обо мне так, будто я глухая. И в этом есть что-то унижительное. И что-то... будоражащее.

— Она будет в комнате Кейрана, — произносит Райгар.

Все головы поворачиваются к нему.

— Почему? — В голосе Бракса вызов.

— Потому что у него единственного есть засов с внутренней стороны. И потому что он единственный, кто не спорит.

Я перевожу взгляд на фиолетовоглазого. Он стоит у окна, всё там же, где стоял час назад. Его лицо не выражает ничего — ни согласия, ни протеста. Но желваки на скулах напрягаются. Один раз. Коротко. И исчезают.

— Ты серьёзно? — Это уже Зигфрид. — Кейран? Он даже говорить с ней не станет.

— Ему и не нужно говорить, — отвечает Райгар. — Ему нужно запереть дверь и не открывать до утра.

Кейран молчит. Смотрит на меня — долгий, неподвижный взгляд фиолетовых глаз, от которого мурашки бегут по позвоночнику. Не страх. Что-то другое. Что-то, чему я пока не знаю названия.

— Хорошо, — произносит он. Голос тихий, низкий, без интонаций. — Пусть спит в моей.

Он отворачивается и уходит — не в комнату, а куда-то в темноту зала, туда, где свет очага не достаёт до стен. Я смотрю ему вслед и чувствую, как внутри закручивается странный узел — из обиды, что меня распределяют, как багаж, и из облегчения, что не к Браксу. Не к Зигфриду. К тому, кто хотя бы не смотрит на меня как на мясо.

Хотя... кто знает, как он смотрит? Я не успела разобрать.

— Я провожу, — говорит Харальд.

Комната оказывается в дальнем конце коридора. Узкая дверь, обитая металлическими полосами, массивная, как весь этот дом. Харальд толкает её плечом, она поддается с неохотным скрипом, и мы заходим внутрь.

Комната Кейрана небольшая и... пустая. Никаких шкур на стенах. Никакого оружия. Только кровать, стол, кувшин с водой. И запах. Тонкий, почти неуловимый — что-то пряное, тёмное, как дым от можжевельника. Я вдыхаю его и чувствую, как по телу растекается непрошеное тепло.

Харальд останавливается у двери. Я думала, он уйдёт сразу, но он медлит — опирается плечом о косяк и смотрит на меня. Его зелёные, чуть раскосые глаза блестят в темноте.

— Засов, — говорит он. — Видишь? С внутренней стороны.

— Вижу.

— Запрись.

Я поднимаю бровь:

— От кого?

Он улыбается. Медленно. Как кот, который знает, где лежит сметана.

— Мы слишком долго живём одни, — продолжает он, и его голос сползает до шёпота.
— Слишком долго без женщины. Я не ручаюсь за братьев.

Я чувствую его близость, его тепло, его взгляд, который медленно скользит по моему лицу, по шее, по голым плечам. Он не прикасается. Но я ощущаю этот взгляд почти физически — как поглаживание, как дыхание на коже.

— Ты для нас — как вода в пустыне. Как огонь в ледяной ночи. А мы, поверь, очень, очень хотим пить, — шепчет он.

Он наклоняется ближе. Я не отшатываюсь. Его губы почти касаются моего уха.

— Запри дверь, Кира. Запри и не открывай до утра.

Он выпрямляется, подмигивает — как ни в чём не бывало, будто не он только что заставил моё сердце биться вдвое быстрее, — и выскальзывает в коридор. Дверь закрывается. Я слышу его шаги, лёгкие и пружинистые, удаляющиеся в сторону зала.

Опускаю засов. Металл лязгает тяжело, глухо. Остаюсь одна в чужой комнате, в чужом доме, в окружении семи незнакомцев.

Сажусь на кровать. Шкуры пахнут можжевельником. Моё тело всё ещё дрожит — не от холода. От слов Харальда. От его близости. От того, как он смотрел.

Что со мной будет?

Где-то за каменными стенами, снова раздаётся вой. Ближе, чем прежде. Настоячивее.

Глава 4. Зигфрид

Я чувю её даже через дверь комнаты Кейрана. Стою в коридоре, как идиот, с миской воды в одной руке и чистой тканью для перевязки в другой, и не могу заставить себя постучать.

Семь лет мы не видели ни одной женщины — ни человеческой, ни грим'дарской, никакой. Семь лет я жил среди запахов мужского пота, раскалённого металла из кузни Торвальда, сушёных трав, которые сам же и собирал для лекарств. Я привык. Я убедил себя, что это нормально — не чувствовать ничего, кроме привычного набора нот: дым, железо, кожа, плесень подвала.

А теперь эта женщина. Она пахнет так, что у меня пересыхает в горле.

Я не стучу, разворачиваюсь и ухожу в лабораторию. Дверь хлопает за мной громче, чем нужно, и всё мужское население дома знает: Зигфрид зол. Или напуган. Или и то и другое.

В лаборатории пахнет травами и спиртовой настойкой, которую я гоню из корня горькой лозы. Привычный запах. Успокаивающий. Я ставлю миску на стол — вода плещет через край, заливая мои заметки, — и сажусь на табурет.

В тишине слышно, как в зале переговариваются Бракс и Ульрик. Слов не разобрать, но тон натянутый. Ещё бы. Вчера в нашем доме появилась женщина, да ещё и активировала Камень Прародителей. И никому не пришло в голову спросить её, хочет ли она здесь быть.

Хотя какая разница? Она здесь. И я не знаю, что с этим делать.

Достаю инструменты — скальпель, пинцет, ступку для растирания трав, — раскладываю перед собой. Руки заняты, но мысли всё равно возвращаются к ней. Вчера я смотрел на неё не как лекарь на пациента, а как мужчина на женщину. Ключицы выступают над вырезом платья, острые, почти птичьи. Запястья тонкие. Рёбра просвечивают сквозь ткань — она худая, но не болезненно, а так, как худеют от нервного истощения.

И при этом она дерзила. Браксу!

Когда он рыкнул на неё, она не съежилась, не заплакала, не стала умолять. Она подняла бровь и сказала что-то про «не мой бренд». Я не понял половины слов, но интонацию уловил. Сарказм.

Это... интересно.

Я ловлю себя на мысли, что улыбаюсь. И тут же стираю улыбку с лица.

Хватит.

За дверью — шаги. Лёгкие, неуверенные.

Я не выхожу.

Пусть Харальд с ней возится. Или Бракс. Или кто угодно, у кого хватит духу смотреть ей в глаза и делать вид, что мы — нормальные мужчины, способные на простую человеческую вежливость. У меня не хватит.

Но через десять минут в дверь лаборатории стучат, и я слышу голос Райгара:

— Зигфрид, осмотри её. Рана всё ещё кровит.

Я открываю. Она стоит за его плечом — всё в том же платье, с засохшей кровью на подоле, с волосами, сбившимися в колтуны. Бледная. Глаза обведены тенями — она явно плохо спала. И смотрит на меня с ожиданием.

— Заходи, — говорю я и отхожу в сторону.

Она заходит. Райгар остаётся снаружи.

В лаборатории она кажется ещё меньше, чем в зале. Мои инструменты, мои склянки, мои схемы — она смотрит на всё это с тем же выражением, с каким смотрела на Камень: настороженно, но без страха. Ей любопытно.

— Садись, — я киваю на табурет.

Она садится. Протягивает мне ладонь — порезанную, со следами засохшей крови. Я беру её руку. Кожа тёплая, мягкая, никаких мозолей — она не работала руками, не держала оружия, не стирала бельё в ледяной воде.

Я промываю рану. Вода в миске розовеет.

— Ты лекарь? — спрашивает она.

— В некотором роде.

— В каком именно роде?

Я поднимаю на неё взгляд:

— В том, в котором вправляю вывихи, зашиваю раны и ампутую конечности, когда уже ничего нельзя исправить. Достаточно?

— Впечатляет, — говорит она без тени сарказма. — Я для тебя экспонат?

— Ты для меня — неизвестная переменная. А я терпеть не могу неизвестные переменные.

Я перехватываю её запястье, поворачиваю руку к свету. Золотистое свечение почти угасло, осталась только тонкая линия пореза — заживает быстрее, чем должна. Камень Прародителей запустил в неё что-то, чего я пока не понимаю.

— Кира, — говорит она.

— Я знаю.

— Откуда?

— Ты вчера повторяла это раз десять.

Она фыркает.

Я заканчиваю перевязку. Закрепляю ткань вокруг ладони — аккуратно, плотно. Отпускаю её руку. И тут мой взгляд падает ниже.

На подоле платья, у бедра, ткань пропитана кровью. Не старой, засохшей, а свежей — яркой, алой. Она сочится сквозь прореху в рваном шёлке.

— У тебя ещё рана, — говорю я. — На бедре.

Она опускает взгляд, будто забыла.

— А, это я упала. Ерунда.

— Ерунда — это царапина. Кровотечение — не ерунда. Покажи.

Она колеблется. Я вижу, как напрягаются её плечи. Она не хочет задрать платье передо мной, и я её понимаю. Но если туда попала инфекция, будет хуже.

— Я не кусаюсь, — говорю я. — И у меня есть спиртовая настойка. Жжёт, но обеззараживает.

Она выдыхает. Потом берётся за край платья и тянет вверх.

Ткань ползёт по бедру — медленно, неохотно. Открывается колено, потом кожа выше, бледная, с синяком, расцветающим на внутренней стороне. А над синяком — порез. Неглубокий, но длинный, от колена вверх, край неровный, как от острого камня или ветки.

Я наклоняюсь.

В лаборатории тихо. Свет пульсирует медленно, как дыхание. Я беру чистую ткань, смачиваю в настойке и подношу к ране.

— Будет щипать, — предупреждаю я.

— Ничего.

Я прижимаю ткань. Она вздрагивает, но не издаёт ни звука. Только пальцы сжимаются в кулак на колене. Я провожу по порезу — медленно, от края до края. Смываю кровь. Кожа под ней горячая, гладкая. Мои пальцы движутся выше, чем нужно, задерживаются на внутренней стороне бедра — там, где синяк наливается сиреневым.

Я чувствую тепло её тела.

Она не двигается.

Я поднимаю взгляд. Она смотрит на меня. В её глазах нет страха. Что-то другое. Что-то, отчего у меня внутри всё сжимается в тугой узел.

— У меня там тоже рана? — спрашивает она. Голос чуть ниже, чем минуту назад. — Или ты просто задержался?

Я убираю руку.

— Проверяю, нет ли скрытых повреждений.

— И как?

Я беру бинт. Отрываю полосу — резче, чем нужно.

— Жить будешь.

Она не отводит взгляда. Обрабатываю порез, накладываю чистую ткань, фиксирую повязку вокруг бедра — быстро, профессионально, без единого лишнего касания. Или почти без единого.

— Ещё что-то? — спрашиваю я.

— Нога.

— Какая?

— Левая. Ступня. Я бежала без туфли.

Я опускаюсь на корточки. Она ставит ногу на моё колено. Босая ступня, узкая, с длинными пальцами, вся в порезах и ссадинах. Пятка сбита. Под ногтями — грязь. Я беру её за щиколотку — осторожно, почти нежно. Она не вырывается.

Я смываю грязь. Достаю пинцет, вытаскиваю мелкую занозу, застрявшую в порезе. Она шипит сквозь зубы.

— Терпи, — говорю я.

— Терплю.

В её голосе — усмешка. Горькая, но живая.

Я заканчиваю. Обрабатываю царапины, накладываю повязку. Отпускаю её ногу. Поднимаюсь.

Она всё ещё смотрит на меня. Подол платья задран до середины бедра — она не поправила. Волосы спутаны, на щеке — след от пореза, которого я раньше не заметил. И при этом она сидит на моём табурете так, будто это трон.

— Ты смотрел на меня не как лекарь, — говорит она тихо.

Я молчу. Потому что она права.

— Это проблема? — спрашивает она.

— Да, — отвечаю я.

И выхожу из лаборатории быстрее, чем нужно.

Глава 5. Утро

Дверь за Зигфридом закрывается. Я рада, что он ушёл и перестал жечь воздух своим напряжением.

Остаюсь в лаборатории одна, спускаю ноги на пол. Камень холодит пятки — одна перевязана, вторая босая, — но это хотя бы отрезвляет. В голове — туман из недосыпа, голода и семи мужчин, каждый из которых смотрит на меня так, будто я последняя женщина на земле. Возможно, для них так и есть.

За дверью лаборатории шум, звон посуды. Низкий голос Бракса, перекрывающий остальные:

Я выхожу в коридор.

Дом изменился. Вчера это была крепость — тёмная, настороженная, ошетилившаяся оружием по стенам. Сегодня это жилой дом. Через узкие окна-бойницы льётся утренний свет — серый, разбавленный туманом. Где-то капает вода. Пахнет дымом очага, разогретым жиром и чем-то ещё — сладковатым, зерновым. Каша? Мой желудок сжимается с такой силой, что я хватаюсь за стену.

В зале — все семеро.

Очаг горит ярче, чем вчера, и в его свете я впервые вижу их не как тени, а как... домочадцев? Слово не подходит. Слишком они огромные для «домочадцев». Но в утреннем свете, за столом, они выглядят иначе.

Ульрик сидит у огня и точит нож — длинный, изогнутый, с рукоятью, обмотанной кожей. Движения размеренные, медитативные: вжик-вжик, вжик-вжик. Его седые волосы собраны в низкий пучок, руны на предплечьях тускло светятся в такт движениям. Он не смотрит на клинок — он смотрит сквозь него, куда-то в глубину огня.

Торвальд стоит у стола, раскладывает посуду, хмурится.

Кейран — тень у окна. Он не занят ничем. Просто стоит, сложив руки на груди, и смотрит в лес. Его фиолетовые глаза полуприкрыты, но я чувствую: он замечает всё.

Харальд хлопочет у очага, помешивает что-то в подвесном котелке и насвистывает сквозь зубы. Мелодия простая, почти детская. Он в одних низко сидящих штанах, и руны на его рёбрах — те самые, что вчера я разглядывала в темноте, — светятся при каждом движении. Волосы, медово-рыжие, растрёпаны после сна. Он первый замечает меня.

— О! — Он поднимает деревянную ложку, как дирижёрскую палочку. — Спящая красавица проснулась. Садись, Кира. Каша почти готова.

Я стою в дверях, потому что не знаю, куда сесть. За столом — грубо сколоченным, длинным, на десять персон, — уже сидят Райгар, Бракс и Зигфрид. Последний не смотрит на меня. Совсем. Его взгляд упёрт в кружку с чем-то дымящимся, и он изучает содержимое кружки так, будто это древний манускрипт.

— Садись, — повторяет Харальд, кивая на свободное место. — Пока Бракс не съел всё.

Я сажусь. Место оказывается напротив Зигфрида. Идеально.

Харальд ставит передо мной миску. Глиняную, шербату по краю, но чистую. В миске — каша. Серая, грубая, с вкраплениями чего-то тёмного — не то ягод, не то орехов. Пахнет зерном, дымом и чуть-чуть мёдом. Я беру ложку — деревянную, вырезанную вручную, — и заставляю себя не наброситься на еду. Первая ложка обжигает язык. Вторая — рай.

— Вкусно, — говорю я с набитым ртом.

Харальд сияет:

— Слышали, парни? Вкусно. Я говорил, что умею готовить.

— Ты умеешь не отравить, — поправляет Бракс. — Это не одно и то же.

Зигфрид молча пододвигает мне кружку с водой. Не глядя. Просто пододвигает — и всё. Я беру кружку, наши пальцы не встречаются, но воздух между ними на секунду сгущается. Я замечаю, что его рука чуть дрогнула.

— Спасибо, — говорю я.

Он кивает. Коротко. Скупое. И снова утыкается в свою кружку.

Райгар кладёт ложку на стол. Звук получается весомый, как точка в конце предложения.

— Мы уходим на промысел, — говорит он. — Шахта, кузня, охота. Дом остаётся без защиты.

— Я остаюсь, — говорит Бракс.

— Нет, — спокойно отвечает Харальд, помешивая кашу.

— Почему это нет?

— Потому что ты её напугаешь. Или убьёшь. Или и то и другое, именно в таком порядке.

Бракс разворачивается к нему — медленно, как танк, наводящий орудие.

— Я не собираюсь её убивать.

— О, отлично. Значит, просто напугаешь. Это меняет дело.

— Я сказал — я остаюсь.

— А я говорю — останется тот, кто сможет её защитить, а не тот, кто больше всех хочет остаться.

— Вы разбудите мёртвых своими воплями, — подаёт голос Ульрик от очага, не поднимая глаз от ножа.

— Мёртвые уже проснулись, — замечает Зигфрид в кружку. — Они просто сидят тихо и слушают этот балаган.

— Возьмём девчонку с собой, вот и всё, — предлагает Ульрик.

Я перестаю жевать. Поднимаю глаза:

— Вы из-за меня? Я одна останусь. Не сбегу, честное слово. Мне ведь некуда идти.

Семь голов поворачиваются ко мне. Даже Кейран отрывается от окна.

— Ты не знаешь, что там, в лесу, — говорит Райгар. — Оставлять тебя одну опасно.

— Я не хочу, чтобы вы спорили обо мне, будто меня здесь нет. Я не вещь. А ещё я хочу понять, как вернуться домой.

Тишина. Харальд перестаёт помешивать кашу. Ульрик замирает с ножом в руке. Даже очаг, кажется, трещит тише.

Райгар смотрит на меня долго. Потом кивает:

— Остаюсь я. Обучу её правилам дома. После обеда меня сменит Бракс.

Бракс издаёт звук — нечто среднее между рыком и смешком.

— После обеда. Значит, я должен охотиться до обеда, а потом приползти домой и нянчиться с женщиной?

— Ты хотел остаться, — пожимает плечами Райгар. — Я даю тебе такую возможность.

— После обеда.

— Да. Когда она будет сыта, одета и в курсе, как не умереть в этом доме. Тогда я уйду в шахту, а ты останешься. И я надеюсь, ты не заставишь меня жалеть об этом решении.

Бракс смотрит на него. Потом на меня. Его серебристые глаза вспыхивают — не злобой, чем-то другим. Азартом? Ожиданием? И он кивает:

— Хорошо.

И улыбается. Впервые за всё время — не лязгающий оскал, а настоящая улыбка, от которой у меня внутри что-то обрывается и падает в пятки.

— Что ж, — говорит Харальд, разливая остатки каши по мискам. — День обещает быть интересным.

— День обещает быть долгим, — поправляет Зигфрид.

Глава 6. Дети горы

Дверь за последним из братьев закрывается, и дом сразу становится больше.

Я остаюсь с женщиной.

Кира сидит за столом и допивает воду из моей кружки. Я не предлагал — она просто взяла, и в этом было что-то до невозможности личное. Так берут вещи человека, с которым делят не только стол.

Я смотрю на неё. В ней нет ничего, что я мог бы измерить или разложить на части, как привык раскладывать всё в своей жизни.

Она опускает кружку. На глиняном крае остаётся след её губ, и я думаю о том, что, когда она уйдёт, я буду смотреть на этот след, как идиот. Как мальчишка, который не умеет держать лицо.

— Ты обещал объяснить правила, — говорит она.

Голос у неё ниже, чем я ожидал. Ниже, чем должен быть у женщины, которая едва достаёт мне до плеча. В этом голосе усталость и что-то ещё, от чего у меня внутри всё сжимается, как перед прыжком в пропасть.

Я не могу перестать о ней думать. Не потому что она женщина. Или не только поэтому.

В ней есть что-то ещё. От чего хочется одновременно защищать её и прижать к стене. Это бесит. Я не привык хотеть. Я привык решать.

Кира смотрит на меня. Глаза у неё серые, как дождевая вода. Она не красива той красотой, про которую поют в балладах, — гладкой, прилизанной, кукольной. В её лице есть резкость. Скулы острые, подбородок упрямый, тени под глазами не исчезли даже после сна. Она выглядит как человек, который привык тащить на себе больше, чем следует, и не жаловаться.

Я знаю этот взгляд. Я видел его в зеркале.

— Итак, — говорит она. — Ты обещал объяснить правила.

— Объясню.

Я подхожу к очагу, беру кочергу, ворошу угли. Пламя вздрагивает, вскидывается выше, и тени на стенах дёргаются, как живые. Мне нужно занять руки. Когда я стою без дела слишком близко к ней, мои ладони начинают помнить то, к чему ещё не прикасались.

— Правило первое, — говорю я, не оборачиваясь. — Ты не выходишь из дома одна.

— Почему?

— Потому что вокруг лес. Там бродят мороки. Твари, которых насылает ведьма. Ты уже встречала одну из них.

— Я бежала. Она меня не догнала.

Я поворачиваюсь. Она сидит на лавке, подобрав босую ногу под себя. Платье — теперь уже не платье, а лохмотья, — задрано до середины бедра, и повязка Зигфрида белеет на коже. На плече прореха, и в неё видно ключицу, острую, как осколок. Я заставляю себя смотреть ей в глаза.

— В следующий раз догонит. Ты не воин.

Она усмехается.

— Я не пытаюсь тебя обидеть. Я констатирую.

— Ты, — говорит она медленно, — всё время констатируешь. Как будто боишься, что если скажешь что-то человеческое, то рассыплешься.

Я молчу.

Она попадает в точку, и это мне не нравится.

— Правило второе, — продолжаю я. — Ты не спускаешься в шахту без меня или Ульрика. Там темно, и там тупики. Заблудишься — умрёшь от голода раньше, чем мы найдём.

— Шахту?

— Под домом. Мы добываем Лунный камень.

— Я видела, — говорит она. — Вчера. В гроте. Камень, он из того же?..

— Да. Но тот — сердце горы. Единственный. В шахте — поменьше, много. Мы добываем их для оружия, для защиты, для продажи.

Она кивает, но я вижу: ей нужно больше.

— Ты спрашивала вчера, кто мы, — говорю я. — Ты назвала нас «гномами».

— Это была шутка.

— Не смешная.

Она поджимает губы. Я откладываю кочергу и сажусь напротив неё на корточки, чтобы быть на одном уровне.

— Слово «гномы» придумали люди. Так они называли нас, когда хотели унижить. Подгорные черви, которые копаются в земле и прячут золото.

— Но вы не маленькие.

— Нет, — говорю я. — Мы не маленькие. Мы — Грим'дары. Дети Горы.

Она пробует слово на язык:

— Грим'дары.

— Это значит «рождённые камнем». Мы — потомки первой стихии, той, что была до огня, до воды, до воздуха. Когда мир был только скалой и тишиной, появились мы. Гора — наша мать. Она даёт нам силу. Мы слышим её дыхание. Мы чувствуем, когда ей больно.

Кира молчит. Смотрит на меня — и в её серых глазах я вижу не насмешку, не страх. Внимание.

— Это красиво, — говорит она.

— Это правда.

— Я не говорю, что ты лжёшь. Я говорю, что это красиво.

Я отвожу взгляд.

— Нас было больше, — продолжаю я. — Клан Грим'даров жил в этих горах поколениями. Мы были стражами. Охраняли проходы, держали границу между миром людей и тем, что лежит глубже, под корнями гор.

— А теперь?

— Теперь нас семеро. И мы прокляты.

Она ждёт. Я не продолжаю.

— Прокляты? Что за проклятие?

— Об этом позже.

— Почему?

— Потому что есть вещи, которые ты не готова услышать.

Она хмурится, и морщинка между бровей — тонкая, вертикальная — делает её старше.

— Ты решаешь за меня, что я готова услышать, а что нет?

— Да, — говорю я.

— Это бесит.

— Знаю.

Я поднимаюсь. Отхожу к окну. Там, за окном, серый утренний свет заливает поляну перед домом. Трава примята — вчерашний морок оставил следы, глубокие, как от копыт. Я смотрю на эти следы и думаю о том, о чём не хочу ей говорить.

О пророчестве. О том, что женщина из иного мира должна пробудить каждого из нас. О том, что «пробуждение» — это не метафора. Это прикосновение, близость. Это то, чего я не имел семь лет и о чём теперь не могу перестать думать, глядя на неё.

Камень признал её. Я знаю, что это значит. Знаю, что должен быть первым — потому что я лидер, потому что таков порядок, потому что если я не сделаю этого сам, Бракс сорвётся и сделает это грубее, чем нужно. Или Кейран, который молчит, но его молчание — самое гром-

кое. Или Зигфрид, который так смотрел на неё в лаборатории... Не знаю, как у него хватило выдержки бинтовать ей бедро.

Я знаю всё это, но не могу заставить себя сказать ей. Потому что если скажу, она посмотрит на меня иначе. Как на зверя. Как на тех, кем нас считают люди. Может, поэтому я выбрал Бракса. Его-то не станет мучить совесть.

— Райгар.

Она подошла. Бесшумно — босая, лёгкая. Я не слышал её шагов.

Я оборачиваюсь. Она стоит в шаге от меня. Её голова едва достаёт до моего плеча. От неё пахнет можжевельником — постелью Кейрана — и ещё чем-то тёплым, живым. Её глаза смотрят на меня в упор, не опускаясь.

— Ведьма. Та, что насылает мороков. Кто она? — спрашивает Кира.

Я выдыхаю. Это я могу сказать.

— Её зовут Морвейн. Она живёт в замке к северу от леса. Она пришла в эти земли около шести лет назад и захватила власть над людьми исподволь — через страх, через магию, через обещания. Люди называют её королевой, но она не королева. Она — тёмная ведьма. Она питается чужими жизнями, чтобы продлевать свою молодость. Мороки — её слуги. Она создаёт их из тени и направляет на тех, кто ей мешает.

— И вы ей мешаете.

— Да. Мы охраняем Камень. А она хочет его силу.

Кира переводит взгляд на окно. На следы в траве.

— Я появилась здесь, — говорит она медленно, — и в ту же ночь тварь гналась за мной. Это не совпадение?

Я молчу.

— Райгар.

— Не совпадение.

— И она хочет меня убить?

— Или использовать. Что хуже.

Кира обхватывает себя руками. Рваный шёлк натягивается на плечах, я вижу очертания её тела под тканью. Узкая талия. Бёдра, округлые, но не широкие. Ткань липнет к коже, у меня пересыхает в горле.

— Поэтому ты не хочешь, чтобы я выходила одна?

— Да.

— И поэтому вы спорили, кто останется.

— Да.

— И поэтому ты остался сам.

Я не отвечаю. Она поднимает глаза.

Делаю шаг к ней. Она не отступает. Её лицо совсем близко — я вижу крошечный шрам над бровью, незаметный издали. Вижу, как расширяются её зрачки. Чувствую, как учащается её дыхание.

— Я хотел остаться, — говорю я. — Потому что если бы я позволил Браксу, он бы тебя напугал. Если бы я позволил Харальду, он бы тебя очаровал. А если бы я позволил Зигфриду, он бы тебя препарировал — либо скальпелем, либо взглядом.

— А ты?

— А я не знаю, что сделаю.

Она выдерживает мой взгляд. Долго. Потом её губы трогает горькая улыбка.

Кира отступает на шаг, и воздух между нами снова становится прохладным. Я вдруг понимаю, что всё это время сжимал кулаки.

— Значит, правила такие, — говорит она, загибая пальцы. — Не выходить одной. Не спускаться в шахту без сопровождения. Не называть вас «гномами». И не ждать, что мне расскажут всё сразу.

— Да.

— Это я могу.

Она поворачивается к столу и начинает убирать миски — простое, хозяйское движение, которое здесь, в этом каменном зале, кажется почти невозможным. Женщина наводит порядок в логове семерых воинов.

Но она не знает, что будет дальше, что ей придётся пройти через ритуал. Я знаю. И это знание как раскалённый камень в груди. Греет. И жжёт. И не даёт дышать.

— После обеда, — говорю я, — меня сменит Бракс.

Она оборачивается:

— Я помню.

— Он будет грубее меня. Но он не причинит тебе вреда. Я ему доверяю.

— А я пока — нет.

— Это разумно.

Она ставит миски одну на другую — деревянные, щербатые, — и вдруг замирает.

— Спасибо тебе, — говорит она.

— За что?

— За то, что не делаешь вид, будто всё в порядке.

Я не отвечаю. Стою и смотрю, как утреннее солнце ложится полосами на каменный пол. Скоро вернутся братья. Скоро Бракс займёт моё место. Скоро начнётся охота, и кузня, и шахта, и обычный день, который теперь никогда не будет обычным.

Смотрю, как она убирает миски, и вдруг понимаю: она грязная. Не в том смысле, в каком говорят о распутных женщинах, — в самом прямом. Засохшая кровь на подоле, дорожная пыль на щиколотках, волосы сбиты в колтуны. Она провела ночь в лесу, потом валялась без сознания на каменном полу, потом её лапал Зигфрид. При этом она сидит с прямой спиной и не плачет. Удивительно.

— Тебе нужно помыться, — говорю я.

Она оборачивается:

— Так жутко выгляжу?

— Нет. На платье кровь и грязь. А в волосах мох.

Она слегка улыбается:

— Хорошо бы. Но где?

— Увидишь.

Я достаю из сундука у стены чистую рубаху — свою, самую маленькую из тех, что у меня были до проклятия. Она всё равно будет ей до колена, но это лучше, чем рваный шёлк, который держится на честном слове.

— Вот. Наденешь после. Идём.

Она берёт рубаху, прижимает к груди, и этот жест — такой простой, такой женский — отдаётся у меня где-то под рёбрами. Я отворачиваюсь и иду к двери в подвал. Она — за мной.

Мы спускаемся.

Лестница — та же, но на полпути я сворачиваю в боковой проход. Воздух теплеет с каждым шагом, к запаху сырой породы примешивается нечто минеральное, с лёгкой горчинкой.

— Что это? — спрашивает Кира за моей спиной.

— Источник. Гора греет воду снизу. Братья ходят сюда после шахты — смывать каменную пыль.

— И ты ведёшь меня туда?

— Да. Вода горячая. Мыло — на камне слева.

Она вздыхает. Я не вижу её лица, но слышу этот звук.

Один поворот — и стены расступаются, выпуская нас в пещеру, полную пара. Здесь жарко и влажно. Свет Лунного камня, вкрапленного в своды, мягко льётся с боков. Вода в бассейне отвечает ему собственным свечением, кажется, будто кто-то растворил в ней лунную дорожку.

Посередине естественный резервуар, круглый, с каменными бортами, отшлифованными водой. От поверхности поднимается пар. Вдоль стен — выходы породы, на которых можно сидеть или лежать. Вокруг тишина, только капли срываются со сталактитов где-то в глубине дальних проходов и разбиваются о камень. Кап-кап.

Кира замирает у входа. Я вижу, как расширяются её глаза.

— Это... — Она качает головой. — Вы тут живёте, как боги, а прикидываетесь дикарями.

— Мы не прикидываемся. Мы просто не показываем это никому.

Она переводит взгляд на меня. В полумраке её лицо выглядит резче, тени лежат глубже под скулами, и усталость проступает острее. Но глаза блестят.

— Я оставлю тебя, — говорю я. — Мыло на камне. Вода глубокая, но у края — ступень. Не поскользнься.

— Ты уйдёшь?

— Я буду недалеко. Кричи, если что.

Она кивает. Я выхожу, приваливаясь к стене. И через несколько секунд раздаётся плеск. Кира вошла в воду.

Я закрываю глаза. Не думать. Не представлять, как вода стекает по её плечам, как пар оседает каплями на ключицах, как мокрая кожа блестит в лунном свете. Я сжимаю кулаки. Семь лет. Семь лет я держал себя в узде, и теперь эта женщина рушит всё за одно утро.

Время тянется долго. Слишком долго. Я уже собираюсь спросить, не уснула ли она там, когда Кира появляется в проёме.

В моей рубахе. Мокрая. Волосы, тёмные от воды, прилипают к шее и плечам. Рубаха доходит ей до середины бедра, но ткань старая, тонкая, и там, где она прижимает её к телу, проступают очертания женской фигуры. От неё пахнет горьким мылом, горячим камнем и можжевельником. Она как будто вышла из другого мира, где живут те, кого нельзя трогать.

Но я хочу трогать.

— Спасибо, — говорит она. Голос низкий, грудной, чуть охрипший после горячего воздуха. — Там действительно чудесно.

— Я рад.

— Ты всё это время стоял здесь?

— Да.

— Зачем?

Я молчу. Она смотрит на меня снизу вверх — мокрая, в моей рубахе, с каплей воды, ползущей от виска к скуле. И я ломаюсь.

Делаю шаг. Она не отступает. Я кладу ладонь на каменную стену рядом с её головой и наклоняюсь. Близко. Так близко, что чувствую тепло её дыхания. Приоткрытые губы и очертания изящных изгибов под рубахой кружат голову. Кира напугана или смущена. Не разобрать.

— Потому что не могу уйти, — отвечаю ей.

Я касаюсь её лица. Пальцы скользят по скуле, по той самой капле, стирают её. Кожа горячая, гладкая. Она не отшатывается, не убирает мою руку — только смотрит, и зрачки у неё расширены, дыхание сбилось.

— Райгар...

Я целую её. Грубо. Без подготовки. Не как целуют в первый раз, а так, будто уже всё решено. Моя ладонь перехватывает её затылок, вторая ложится на талию и прижимает к стене. Она издаёт звук — не то протест, не то удивлённый стон, — и её руки вцепляются в мою рубаху на груди.

Хочет оттолкнуть? Не похоже.

Пальцы сминают ткань — мою рубаху на её теле, — я чувствую под ней рёбра, талию, бедро. Она горячая, распаренная после купания. Пахнет мылом и женщиной. Я чуть прикусываю её нижнюю губу и слышу, как она сдавленно выдыхает.

Тогда я останавливаюсь.

— Нет. Не сейчас. Не так.

Отступаю. Она смотрит на меня — губы припухли, рубаха сбилась, открывая плечо. В глазах — растерянность.

Кира молчит. Поднимает руку, поправляет ворот рубахи — медленно, не отводя от меня глаз.

Глава 7. Вода и камень

Горячая вода — это спасение.

Я не понимала, насколько замёрзла, пока не погрузилась в неё по плечи. Холод последних суток — ночной лес, каменный пол, сквозняки из окон — засел где-то в костях и не хотел уходить. Теперь он отступает. Медленно, неохотно, сдаётся теплу. Я чувствую, как отпускает шея, как разжимаются плечи, как боль в израненной ступне становится далёкой и почти неважной.

А ещё здесь красиво. Так красиво, что я забываю дышать.

Пещера — огромная, своды теряются в темноте, и от этого кажется, что я не под землёй, а в каком-то храме. Лунный камень, вкраплённый в скалу, светится мягко, серебристо-голубым, и вода отвечает ему собственным свечением, будто кто-то растворил в ней луну. Пар поднимается клубами, медленными, как сны. Сталактиты свисают сверху, влажные, отполированные столетиями, и где-то в глубине, в дальних проходах, срываются капли. Звук разносится эхом. Кап-кап. Размеренно, как маятник.

Я откидываю голову на каменный борт. Горячая вода обнимает меня, смывает засохшую кровь, грязь, пот и страх. Я смотрю в темноту над собой и думаю: может, я умерла. Может, та тварь в лесу всё-таки догнала меня, и это — посмертие. Ад? Нет, в аду не может быть так хорошо. Рай? Но в моём представлении рай не пахнет можжевельником и семью брутальными мужиками.

Кома. Точно. Я в коме. Ударилась головой и теперь лежу в больнице, а мой мозг, оглушённый и перепуганный, придумывает этот мир. Гору. Камень. Семь Грим'даров с рунами на плечах. Слишком красивых, чтобы быть настоящими.

Я усмехаюсь. Моё воображение, конечно, то ещё. Оказывается, где-то в глубине моего уставшего, замученного ипотекой и разводом сознания жила фантазия о мужчине, который не ноет. Который не лежит на диване, пока я тащу сумки из супермаркета. Который смотрит на меня так, будто я — единственная женщина в мире.

А здесь их семеро.

Я опускаю руку в воду, провожу по поверхности, разгоняя пар. Свет Лунного камня дробится в ряби. Я думаю о Райгаре.

Он там, за поворотом. Не ушёл. Он стоит и ждёт. И от этой мысли у меня внутри всё скручивается в тугую горячий узел.

Я представляю его — запах дыма, вьёвшийся в кожу, тёмную щетину, проступающую на подбородке, и плечи, которые не пролезают в дверной проём. Думаю о том, как мышцы перекачиваются у него под рубашкой, когда он просто поднимает руку. И о том, что я хочу, чтобы он прикоснулся ко мне. Райгар говорит скупой, как будто слова — это ресурс, который нужно экономить. Он не улыбается, не делает комплиментов. Зато он смотрит — и в этом взгляде больше смысла, чем во всех разговорах моего бывшего мужа за шесть лет.

Кстати, да. Мой муж. Андрей. Менеджер среднего звена, диванный тюлень в чистом виде. Он говорил мне комплименты. «Ты сегодня нормально выглядишь». «Суп ничего». «Ты, конечно, не модель, но мне нравится». И я верила. Я думала, это и есть норма. Что мужчина — это такое существо, которое нужно обслуживать, обстирывать, кормить и терпеть его плохое настроение, потому что «он устал на работе». А то, что я тоже устала на работе, — это в расчёт не шло. Я же женщина. Я должна справляться.

Интересно, что бы Андрей сказал, если бы увидел меня сейчас? В пещере, в горячем источнике, размышляющей о мужчине, который даже не пытается меня очаровать, но от одного взгляда которого у меня подкашиваются колени. Наверное, сказал бы: «Ты с ума сошла». И был бы прав. Я, кажется, действительно схожу с ума.

Потому что хочу, чтобы Райгар вошёл сюда.

Понимаю: это безумие. Я здесь меньше суток. Я ничего не знаю об этом мире, об этих мужчинах, о том, что со мной будет завтра. Возможно, меня вообще убьёт ведьма. Или кто она там? Или я застряну здесь навсегда. Или проснусь в больничной палате с трубкой в горле. Но прямо сейчас, в этой горячей воде, в этом невозможном подземном храме, я позволяю себе представить.

Райгар входит. Вода идёт рябью. Он спускается по ступеням — медленно, не сводя с меня глаз. Пар оседает на его плечах, руны на предплечьях светятся. Он ничего не говорит. Ему не нужно. Он просто подходит ближе, и вода расступается перед ним, и я чувствую тепло его тела ещё до того, как он касается меня.

Я зажимаюсь.

Господи, Кира, тебе тридцать четыре. Ты бухгалтер. Ты только что развелась. Что ты себе позволяешь?

Но тело не слушается разума. Тело помнит, как вчера, перед спуском в подвал, он вдруг оказался слишком близко — навис, перекрыл свет, и воздух между нами стал горячим. В нём столько силы, что это пугает. И столько сдержанности, что это заводит ещё больше.

Я провожу ладонями по плечам, стирая капли. Кожа гладкая, чистая, уже не пахнет кровью и страхом. Только горьким мылом и чем-то тёплым, что я не могу опознать.

Непрошено приходят мысли о мужчинах, которые были у меня до Андрея. До замужества. Парень в универе — симпатичный, но неуверенный, он краснел, когда я смотрела на него слишком долго. Коллега с прошлой работы — обаятельный болтун, который красиво ухаживал два месяца, а потом исчез, как только понял, что я не прыгну к нему в постель после третьего свидания. Андрей. Диванный тюлень Андрей, который к концу нашего брака даже не поворачивал головы, когда я выходила из душа.

И тут — Райгар. Который смотрит так, будто я — вода в пустыне.

Может, всё дело в контрасте. Может, я просто истосковалась по мужскому вниманию, и первый же brutальный дикарь кажется мне божеством.

А может, и нет.

Я беру мыло с камня. Простое, тёмное, пахнет травами и золой. Намыливаю плечи, руки, живот. Вода вокруг становится молочной от мыльной плёнки. Я никуда не тороплюсь. В кои-то веки у меня есть время. Есть горячая вода. Есть тишина. И есть — где-то там, за поворотом — мужчина, который обещал меня защищать.

Я закрываю глаза и позволяю себе улыбнуться. Впервые за долгое, долгое время. Не из вежливости. Не через силу. Просто так. Потому что где-то глубоко внутри, под слоем усталости, страха и бухгалтерского прагматизма, мне нравится, что он там стоит. Что он ждёт.

Это странно, неправильно. Это, наверное, стокгольмский синдром или что-то вроде того.

Я набираю в ладони воду и плещу в лицо. Хватит. Пора выходить.

Но я медлю. Ещё минуту. Ещё две. Пар клубится, капли падают, Лунный камень мерцает, и я чувствую, как внутри меня что-то отпускает.

Я выбираюсь из воды. Ноги дрожат — то ли от жара, то ли от того, что я знаю: он там. Надеваю рубаху — его рубаху, грубую, пахнущую дымом и мужчиной. Ткань прилипает к мокрому телу, обрисовывая бёдра. Я не поправляю. Может быть, я хочу, чтобы он увидел.

Выхожу из пещеры.

Он стоит у стены — огромный, напряжённый, — смотрит на меня.

— Спасибо, — говорю я. — Там действительно чудесно.

— Я рад.

— Ты всё это время стоял здесь?

— Да.

— Зачем?

Он молчит. Я смотрю на него и понимаю: ответ я уже знаю. Но хочу услышать.

Райгар делает шаг. Кладёт ладонь на стену рядом с моей головой. Наклоняется. Близко.
— Потому что не могу уйти.

И целует.

На секунду я застываю — просто потому, что мозг отстаёт от тела. Он ещё додумывает: вот Райгар, вот его ладонь на моей талии, вот его глаза, тёмные, как янтарь в полумраке, — а тело уже отвечает. Губы раскрываются сами. Спина выгибается, вжимаясь в камень. Пальцы, которые должны упереться ему в грудь и оттолкнуть, вместо этого вцепляются в рубаху и тянут на себя.

Я целую его в ответ. Жадно. Так, будто это не первый поцелуй, а глоток воды в пустыне. Я не думаю, кажется, разучилась. Вкус дыма на его губах. Жар его тела, прожигающий мокрую рубаху. Его пальцы на моей талии сжимаются, сильно, почти до боли, и эта боль отрезвляет.

Господи. Что я делаю?

Райгар отстраняется. Резко. Как будто его ударили.

— Нет. Не сейчас. Не так.

Я смотрю на него. В его глазах — борьба. Такая же, как у меня внутри. Медленно поднимаю руку и поправляю сползшую с плеча ткань. Не отвожу взгляда.

— Ты прав, — говорю я. Голос чужой, хриплый.

И тут же понимаю: мне плевать.

Я снова тянусь к нему, потому что не могу иначе.

Второй поцелуй — глубже. Медленнее. Он уже не сдерживается, и я чувствую это: его ладонь ползёт вверх по моему бедру, задирая край рубахи, пальцы впиваются в кожу. Вторая рука — на затылке, путается в мокрых волосах, сжимает так, что я всхлипываю. Он отрывается от моих губ и ведёт ртом ниже — по скуле, по шее. Я запрокидываю голову. Его щетина царапает кожу над ключицей, его дыхание обжигает впадинку у горла, и я думаю: вот так, значит, это бывает. Вот так, когда мужчина действительно хочет.

И тогда раздаётся голос:

— Ну нихрена себе.

Я замираю. Рука Райгара на моём бедре превращается в камень. Медленно, очень медленно он отстраняется и поворачивает голову.

В проёме, отделяющем коридор от зала, стоит Бракс.

Он опирается плечом о косяк, скрестив руки на груди. Его серебристые глаза блестят — не злобой, нет. Азартом. Как у охотника, загнавшего дичь. Он всё ещё в кожаных наручах, на шее — свежая царапина, запёкшаяся кровью.

— Мне сказали, я заступаю после обеда, — говорит он. Голос — расплавленный металл. Опасный. Мягкий. — Но обед, как я посмотрю, начался без меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.